

В.Н. Рудаков
(МПУ)

Ордынское иго: термин, восприятие, реальность

Традиционно отношения русских земель с Ордой описываются в рамках концепции «монголо-татарского ига», установившегося сразу после нашествия Батыя в 40-е гг. XIII в. и просуществовавшего чуть ли не вплоть до знаменитого «стояния на Угре» 1480 г. Термин «монголо-татарское иго», однако, является насколько устоявшимся, настолько и условным.

Русское словосочетание «монголо-татары» появилось спустя столетия после исчезновения средневековых монгольских государств и представляет собой искусственное этническое наименование. На Руси и в Европе подданных монгольских ханов именовали «татарами», что было неверно с исторической точки зрения. Как показал В.Л. Егоров, возникновение термина «монголо-татары» было связано со стремлением ученых первой половины XIX в. «ликвидировать кажущееся несоответствие между хорошо известными названиями «монголы», «Монголия» и постоянно встречающимися в средневековых источниках наименованиями «татары», «Татария». Это стремление привело «к появлению странного по своему содержанию, но внешне примиряющего историко-географические традиции средневековья и новейшего времени словообразования «монголо-татары»¹.

Впрочем, сращивание этих двух этнонимов наблюдалось и вдали от России, и задолго до XIX в. Например, в средневековой китайской историографии и официальных текстах, начиная с эпохи династии Сун (960–1269 гг.), «постепенно установилась традиция последовательно именовать

---

¹ См. подробнее: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 157–158.

монголов (мэнью) и все прочие монголо-язычные племена татарами (да-да) либо монголо-татарами (мэн-да)»².

Между тем, не менее искусственным является и термин «иго». Сами жители русских княжеств его никогда не использовали, несмотря на то, что слово «иго» им было, несомненно, знакомо (наиболее распространенные в то время значения слова – ‘узда’, ‘хомут’, ‘ярмо’, ‘ноша’, ‘поклажа’, ‘гнет чьего-либо владычества’). Получается, что на Руси долгое время знали «работное иго» (собственно ‘рабство’ в юридическом смысле) и даже «иго Христово» (под него попадали монахи, принимая постриг), но не знали ига монголо-татарского³.

Судя по всему, впервые для описания русско-ордынских отношений это слово употребил иностранец – польский хронист Ян Длугош, причем тогда, когда сама зависимость русских земель от Орды практически уже становилась историей – в 1479 г.⁴ Длительное время определение «иго» бытовало в основном в зарубежной историографической традиции⁵. На русской почве оно стало использоваться

---

² *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. От древности к Новому времени. СПб., 2009. С. 210–211.

³ Русское «иго» восходит к общему индоевропейскому корню. Латинское «*jugum*» – изначально ‘ярмо’, ‘хомут’, ‘парная упряжь волов’, но еще и ‘иго’, ‘рабство’. Последние значения являлись производными от «ига» – названия символических ворот, которые образовывались из двух копий, вертикально воткнутых в землю, и одного горизонтального (они как раз и образовывали своеобразное ярмо), под которыми римляне заставляли проходить побежденные войска в знак их покорности: *Дворецкий И.Х.* Латинско–русский словарь. 3–е изд. М., 1986. С.431. См. также: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 3. М., 1990. С. 442; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 6. М., 1979. С. 78–79.

⁴ «*Jugum barbarum*», «*jugum servitutis*». См.: *Ioannis Dlugossi senioris canonici opera*. Т. 14. Cracoviae, 1878. P. 697. Цит. по: *Горский А.А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 191.

⁵ Например, и в «Польской хронике» Матвея Меховского (1515–1517), и в «Записках о Московской войне» (1578–1582) Рейнгольда Гейденштейна про Ивана III говорится, что «он сбросил/свергнул

гораздо позже – впервые, насколько можно судить, в «Казанской истории», посвященной покорению Казанского ханства Иваном Грозным и созданной во второй половине XVI в. Впрочем, в этом произведении, где неоднократно указывается на то, что при предках покорителя Казани ордынские ханы «поработили» Русскую землю («осироте бо тогда и обнища великая наша Русская земля, и отьяся слава и честь ея, но не вовеки, и поработися богомерску царю и лукавейшую паче всеа земли, и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навоходносору, царю вавилонскому...»⁶) упоминается лишь «иго работное».

Интересно, что, по мнению автора «Казанской истории», в результате нашествия Батыя под это иго подпали русские земли за исключением Великого Новгорода («в тыя же горкая Батыева времена отвергошася они (новгородцы. – *В.Р.*) ига работного... ошастася убо сии новьгородцы от Батыя не воеванны и не пленены»). Однако впоследствии Новгород все-таки оказался под «работным игом», но уже не татар, а... великого московского князя Ивана III («покори Богъ под работное иго крепкия и жестокосердныя люди новьгородския благоверному князю Иоанну Васильевичу Московскому»)⁷.

Н.М. Карамзин, пожалуй, первым (вероятно, для большей экспрессии) применил слово «иго» в первоначальном смысле – в значении ‘хомута, надетого на шею’ русских («государя наши торжественно отреклись от прав народа

татарское иго» (*Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 26–27; *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–82 гг.). СПб., 1889. С. 23). Как писал в 1607 г. француз Жак Маржарет, «эти русские с некоторых пор после того, как они сбросили иго татар, и христианский мир кое-что узнал о них, стали называться московитами». Маржарет употребил при этом выражение “le joug des Tartares” (см.: *Маржарет Ж.* Состояние Российской империи. М., 2007. С. 46, 117).

⁶ ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 5.

⁷ Там же. Стб. 6.

независимого и *склонили выю под иго варваров*)⁸. И хотя для «последнего летописца» это слово было, скорее, художественным эпитетом, чем строгим научным термином, именно с «Истории государства Российского» берет свое начало понятие «татарское иго», прочно вошедшее в отечественный исторический лексикон.

Вместе с тем, распространенные в историографии представления о многовековом (с 1240-х до 1470-х гг.) «иге» напрямую не вытекают из тех форм зависимости Руси от Орды, которые выделяются современной наукой. На сегодняшний день историки фиксируют несколько основных форм зависимости Руси от Орды. Это, в первую очередь, практика выдачи русским князьям «ярлыков» на княжение (фактически – их назначение) ордынскими ханами; сбор дани (т.н. ордынского «выхода»); отправка на Русь особых чиновников – «баскаков»; участие русских воинских контингентов в военных походах монголо-татар, а также регулярные карательные набеги ордынцев на русские земли⁹. Рассмотрим, как воспринимались перечисленные проявления «ига» современниками.

* * *

Важно отметить, что все эти формы зависимости не существовали одновременно на протяжении двух с половиной веков ордынского «ига».

Например, институт баскачества, по крайней мере, на северо-востоке Руси, просуществовал всего лишь несколько десятилетий: возникнув после 1257 г., он был отменен к началу XIV в.¹⁰ Вероятно, именно поэтому информация о

---

⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 22, 48 и др.

⁹ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – нач. XX вв. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 15–16; *Он же*. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 19–25.

¹⁰ На северо-востоке баскаки действовали, вероятно, лишь в Муромской, Суздальской, Рязанской, Владимирской, Курской и Смо-

баскаках крайне скудно представлена в дошедших до нас источниках, в силу чего функции института баскачества до сих пор не вполне понятны. А.Н. Насонов – автор классического труда «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» – признавал, имея в виду баскаков, что татары «оставили на территории русского северо-востока какую-то организацию, смысл которой остается до сих пор неразгаданным»¹¹. «238 лет монголо-татарского господства над Русью, казалось бы, должны были оставить многочисленные свидетельства о системе чужеземной власти в покоренных княжествах, но этого нет: сведения об организации, структуре, функциях, круге прав и обязанностей иноземных властителей приходится собирать буквально по крупицам», – отмечает новейший исследователь В.А. Кучкин¹².

«Можно догадываться, – писал А.Н.Насонов, – что основной обязанностью баскаков была служба внутренней охраны: они должны были держать в повиновении покоренное население»¹³. Вместе с тем, события 1257 г. в Новгороде, когда горожане пытались противодействовать проводимой татарами записи «в число», показывают: с полицейскими функциями неплохо справлялись и сами князья. Александр Невский не только обеспечил защиту татарским «численникам», подавив вспыхнувшее в Новгороде антиордынское восстание, но и сумел вразумить своего сына Василия, вставшего было на сторону новгородцев. Так что не только баскаки обеспечивали повиновение местных жителей.

Не исключено при этом, что баскаки имели в своем распоряжении отряды, существенную часть которых составляли аборигены. По крайней мере, в одном из таких отрядов – курского баскака Ахмата, согласно летописному сообще-

---

ленской землях. См.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. // *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 226–227, 276.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5.

¹³ *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 230.

нию, было 30 человек «Руси» и только двое «бесермен»¹⁴. При этом тот же А.Н. Насонов отмечал, что «великий баскак владимирский» фактически действовал на стороне великокняжеской власти: «ничего не говорит о попытках с его стороны руководить великим княжением, умалить действие великокняжеской власти». Иногда княжеская власть даже получала прямую поддержку со стороны ордынских ставленников: так, в 1269 г. «великий баскак владимирский» идет вместе с полками, собранными великим князем, «на Немци», а в 1270 г., «после личных столкновений великого князя с новгородцами», не препятствует вызову из Орды войск для похода на Новгород.¹⁵

Из-за недостатка дошедших до нас сведений трудно судить об отношении населения к институту баскачества. Едва ли не единственный случай, когда летописец высказал оценочные суждения на данную тему – это рассказ об уже упомянутом курском баскаке Ахмате. Разумеется, русский книжник оценивал его крайне негативно. Однако нужно учитывать, что на отношение к Ахмату влияла не только его «профессиональная» деятельность в качестве баскака, но и его конфессиональная принадлежность. Он – «бесерменин», то есть мусульманин («бесерменинъ злохитръ и велми золь», – называет его летописец). К тому же, как сообщает летопись, Ахмат не только «держал баскачество», но еще и собирал дань. При этом, сбор дани не входил в его прямые обязанности: скорее всего, Ахмат просто совмещал службу с личным обогащением. Возможно, пользуясь своим положением, он получил сбор дани в откуп: «откупаша у татар дани всякия и теми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении», – отметил летописец¹⁶. Понятно, что указанное обстоятельство также не добавляло Ахмату популярности в глазах русских современников.

---

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927 (репринт – М., 1997). Стб. 481–482.

¹⁵ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 231.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913 (репринт – М., 2007). С. 79–81.

Впрочем, у баскака Ахмата было слишком много «отягчающих» его восприятие индивидуальных черт, и, следовательно, судить по одному этому летописному свидетельству об отношении населения ко всему институту баскачества, возможно, не совсем корректно. К тому же сам этот институт просуществовал столь недолго, а следов деятельности баскаков сохранилось так мало¹⁷, что вряд ли стоит говорить о том, что именно баскачество сыграло решающую роль в становлении системы зависимости русских земель от Орды¹⁸. Судя по всему, не воспринималось оно в качестве такового и в период «ига».

* * *

За все время ордынского владычества претерпевала серьезные изменения и система взимания дани – ордынского «выхода»: если в первые десятилетия после нашествия Батыея ее сбором занимались откупщики, чаще всего мусульманского происхождения, то к началу XIV в. эта функция была передана русским правителям под ответственность великого князя¹⁹. Причина – резкое неприятие населением действий иноверцев-«бесермен», вылившееся в серию городских восстаний (в Новгороде в 1257–58 гг., в Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле в 1262 г. и др.).

Гнев горожан, скорее всего, был вызван не только фактом взимания дани, но и тем, что дань собирали мусульманские купцы-откупщики. Как представляется, те получили соответствующие полномочия в период правления в Сарае хана Берке, исповедовавшего ислам (именно с его именем

---

¹⁷ Если не считать, конечно, встречающиеся до сих пор топонимы, производные от слова «баскак» – Баскаково, Баскаки, Баскачево, Баскачь и пр. См. : *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 228–229. Подробнее о правах и обязанностях баскака см.: *Кучкин В.А.* Летописные рассказы. С. 44–45.

¹⁸ В.В.Каргалов и вовсе сомневается в существовании в Северо-Восточной Руси «военно-политической баскаческой организации»: *Каргалов В.В.* Русь и кочевники. М., 2008. С. 217.

¹⁹ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 225.

связывают первую волну исламизации Золотой Орды)²⁰. В рассказе Лаврентьевской летописи о восстании в Ярославле на этот счет содержится прямое указание: люди изгнали сборщиков дани из города, «не терпя насилия поганыхъ». «Откупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани, – указал летописец, – от того велику пагубу людемъ творяхуть». Получается, что, с точки зрения летописца, значение имел не только сам факт сбора дани, но еще и насильственность действий, а также конфессиональная принадлежность самих сборщиков. В этом смысле не будет сильным преувеличением назвать городские выступления 1262 г. не только антиордынскими, но еще и антимусульманскими²¹.

Видимо, конфессиональный аспект проблемы был настолько важен, что в ходе восстания в Ярославле горожане даже убили своего соплеменника, некоего Изосиму – «преступника», как характеризует его летопись. Он, судя по всему, к сбору дани никакого отношения не имел: Изосима, да-ет понять книжник, был убит за то, что предал свою веру, перейдя в ислам. Он «бе мнихъ образом, точию сотоне съсудь, бе бо пьяница и студословець, празднословець и кощюньникъ, конечное же отвержеся Христа и быс бесурменинь, вступивъ в прелестъ лж(ив)аго пророка Ма(х)меда», – пояснил летописец²².

---

²⁰ Неслучайно известие о смерти Берке, правившего в Орде в 1256–1266 гг., в одной из русских летописей сопровождалось весьма недвусмысленной записью: «Умре царь татарскыи Беркаи, и бысть ослаба Руси отъ насилия бесермень» (ПСРЛ. Т. 18. С. 72). В 1267 г. Русской церкви был выдан ярлык преемника Берке на золотоордынском престоле – его племянника хана Менгу-Темира (1266–1282 гг.). Документ содержал положение, согласно которому хула на православную веру влекла за собой смертную казнь: «А кто иметь веру их хулити, – тот человек извинитися и умереть» (Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467). Подробнее см.: *Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Отношение русской церкви к антитатарской борьбе в XIII–XIV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988. С. 121.

²¹ *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 217.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

Однако ситуация изменилась в начале XIV в., когда сбор дани был передан русским князьям. Как писал Б.Д. Греков, князья «сами и по-своему должны были собирать дань и доставлять в Орду». При этом способы сбора «ордынского выхода», как кажется, ничем не отличались от приемов сбора дани, предназначавшейся самому князю: все собранные суммы сдавались в великокняжескую казну, а оттуда часть средств передавалась в Орду. Этот механизм описан в «докончании» (договоре) великого князя Дмитрия Ивановича Донского со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским (1389): «А что н(а)ши данщик(и) сберуть въ городе, и въ станех и въ варяхъ, тому ити в мою казну, а мне давати въ выход» (судя по всему, в Орду)²³. Важно, что отношение населения к княжеским сборщикам «выхода» было гораздо более спокойным, чем к татарским: по крайней мере, сведений о восстаниях против русских сборщиков в источниках не зафиксировано²⁴.

Все это дает основания предположить, что сбор «выхода» откупщиками мусульманского происхождения (последователями «лживого пророка Махмета») был для горожан Северо-Восточной Руси действительно явлением недопустимым. Тогда как сама по себе необходимость выплаты ордынского «выхода» уже не так сильно волновала население: как только за дело взялись «свои откупщики» – представители княжеской администрации, протестные выступления сошли на нет.

Еще одна форма зависимости Руси – участие в военных акциях монголо-татар – также просуществовала недолго: к концу XIII в. татары отказались от привлечения рус-

---

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV–XV вв. М.-Л., 1950. С. 31.

²⁴ Как писал Б.Д. Греков, «не нужно думать, что татары ввели у нас какое-то новшество, до сих пор не известное. Мы не знаем, как именно производились переписи в целях собирания дани до татар, но мы имеем совершенно точные факты о взимании дани и единицах обложения («рало», «плуг», «соха»). Этими уже готовыми единицами обложения и воспользовались татары» (*Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Указ. соч. С. 222).

ских полков для участия в боевых действиях против соседей²⁵. Впрочем, отношение современников к таким акциям, зафиксированное в источниках, было двояким.

Если судить по «Житию Александра Невского», составленному, по мнению В.А. Кучкина, сразу после кончины князя в 60-е гг. XIII в.²⁶, участие в ордынских походах воспринималось русскими как «беда» и «нужда великая». Собственно, чтобы «отмолить людей от той беды», Александр, согласно «Житию», и отправился в свою последнюю поездку в Орду: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, велящее с собою воинствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити люди от беды тоя»²⁷.

Однако участие в ордынских походах не всегда воспринималось современниками как «нужда великая», проявление тяжелой повинности, ярма, «ига» в первоначальном смысле слова. Ведь такие походы, помимо прочего, сулили князьям немалую выгоду. Они это понимали и поэтому часто проявляли усердие в службе.

Во второй половине XIII в. русские полки привлекались татарами для участия в походах против Венгрии, Литвы, Польши, народов Северного Кавказа, Византии²⁸. Свидетельства о том, что во время таких акций русские действовали не менее жестоко, чем татары, сохранились в польской «Великой Хронике». В 1259 г. князь во главе с сыном Даниила Романовича Галицкого – Васильком, вместе с татарами, пруссами, куманами (т.е. половцами) и другими народами «безобразно разорили грабежами, поджогами и убийствами» польскую Сандомирскую крепость. При этом хронист пишет о том, что именно русские князья помогли татарам взять крепость хитростью: защитникам они пообещали милости от татар. Поддавшись на уговоры, осажденные сандомирцы «оставили в крепости все имущество и безоружные

---

²⁵ Кучкин В.А. Русь под игом. С. 24.

²⁶ Он же. Монголо-татарское иго. С. 36–39.

²⁷ ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 436.

²⁸ Кучкин В.А. Русь под игом. С. 24.

вышли из нее». После чего татары «набросились на них как волки на овец, проливая огромное количество крови невинных людей». Как написал хронист, «разлившиеся потоки крови, стекая в Вислу, даже вызвали наводнение»²⁹.

А в 1277 г. сразу несколько князей Северо-Восточной Руси «съ бояры и слугами» отправились в поход вместе с «царем Менгутемеромъ» на своих единоверцев ясов (аланов)³⁰. При этом составитель летописи не только не осудил участие русских князей в этом походе, но и с чувством глубокого удовлетворения констатировал: «поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славныи градъ Ясьскыи Дедеяковъ, ...и полонъ и корысть велику взяша, а супротивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгоша». Видимо, в глазах летописца полученная князьями «корысть велика» оказывалась достаточным оправданием их действий. Тем более что столь активное участие князей в татарских военных операциях получило высокую оценку со стороны хана: «царь же *почтивъ* добре князеи Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ многою *честью*, кождо в свою отчину»³¹. Вернувшись в Ростов «въ *чести велице*», участвовавшие в походе князья привели с собой «полонъ многъ». «И бысть радость велика въ граде въ Ростове»³², – отметил летописец.

Получается, что совместные походы воспринимались на Руси не только как «беда», но и как взаимовыгодные русско-ордынские военные предприятия, а участие князей в них – как весьма почетное, достойное «чести» дело.

Конечно, негодование книжников вызывали частые татарские набеги на русские земли. Впрочем, видеть в набегах татар одно из проявлений «ига» вряд ли справедливо. Хотя

²⁹ «Великая Хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 184–185.

³⁰ Алания приняла христианство чуть раньше Руси – в начале X в.: Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник. Т. 5. Вып. 1–2. Спб., 1898. С.10; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 312–315.

³¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 75.

³² Там же. С. 76.

бы потому, что инициаторами значительной части таких акций были сами русские князья, боровшиеся друг с другом за власть при помощи ордынских отрядов.

По подсчетам Ю.В. Селезнева, из более чем 100 ордынских вторжений на Русь, имевших место с 1223 по 1502 г., 22 набега (т.е. каждый пятый) совершались в рамках княжеских усобиц или просто при участии русских князей³³. Показательно, что такие набеги воспринимались летописцами столь же негативно, как и набеги собственно татар. Это видно, например, из описания «Дюденовой рати» 1293 г., которую привел на своего брата Дмитрия сын Александра Невского, князь Андрей Александрович Городецкий («приведе Андреи изъ Орды Дюдены ратию на великого князя Дмитриа, и много зло бысть Руси»³⁴) или из рассказа о совместных действиях московского князя Юрия Даниловича и ордынского воеводы Кавгадыя против Михаила Ярославича Тверского и его союзников в 1317 г. («тое же зимы Юрья князь съ Кавгадыемъ и съ всеми князи Суждальскими прииде съ Костромы къ Ростову, отъ Ростова къ Переяславию и много зла творя христианомъ»)³⁵.

Помимо прочего, набеги на русские земли часто являлись проявлениями борьбы между кланами ордынской власти (для конца XIII в., например, между сарайскими ханами и темником Ногаем). И, конечно, как в любой войне средневековья, имели место походы с целью банального обогащения. Однако инициаторами такого рода походов выступали, скорее всего, не официальные власти Орды, а предводители приграничных татарских отрядов – своего рода «полевые командиры» второй половины XIII–XV вв. Ханы же имели возможность обогащаться и без убийства и разорения тех, кто и без того исправно платил им дань.

Так что сам факт набегов мало дает для характеристики русско-ордынских отношений как «ига». Ведь в предше-

---

³³ Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. М., 2010. С. 191.

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 35.

³⁵ Там же. Стб. 37.

ствующий период русские князья точно так же использовали силы половцев для решения своих внутренних проблем, а те, в свою очередь, привлекали русских в рамках противостояния внутри половецких кланов и параллельно с этим грабили приграничные территории. При этом совершение набегов не дает оснований говорить о существовании в XI–XII вв. какого-либо «половецкого ига» на Руси³⁶.

* * *

Единственным постоянно действующим на протяжении почти двух с половиной столетий проявлением «ига» была зависимость самих русских князей от Орды. Судя по всему, речь идет не о вассальной (договорной по своей сути), а о министеральной (т.е. основанной на прямом и безусловном подчинении³⁷) зависимости русских князей, об их включенности «в ордынскую систему жесткого вертикального подчинения»³⁸.

Как оценивалась подобная форма зависимости в общественном сознании того времени? За два с половиной столетия «ига» отношение к такой службе не было застывшим и претерпевало существенные изменения.

Начиная с первых визитов князей в Сарай и Каракорум, рассказывая о таких поездках, северо-восточные летописцы специально отмечают, что того или иного князя хан отпускал на родину «с честью», или просто – «почтиша». Во время таких путешествий князьям, скорее всего, приходилось не только раздавать многочисленные подарки, но и совершать те или иные унижающие их княжеское и христианское достоинство действия (например, демонстрировать покорность хану, поклоняться монгольским языческим «куми-

---

³⁶ Здесь, правда, следует отметить, что половецкие набеги на русские земли чередовались с русскими набегами на половцев, чего не было в период ордынского владычества.

³⁷ Подробнее о терминах: *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // *История СССР*. 1991. № 4. С. 54–55.

³⁸ *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. С. 207.

рам», использовать «нечистую» пищу и т.д.). Тем не менее, указание в русских источниках на «честь», оказанную князьям ордынскими властями, недвусмысленно свидетельствует: длительное время такое положение дел князей вполне устраивало. Не считалось это зазорным и в глазах большинства книжников того времени³⁹. Скорее всего, такое отношение к службе татарам было продиктовано спецификой восприятия самой власти ордынских ханов.

Сразу после нашествия Батые в русских источниках правители монголо-татар, наравне с правителями Византийской империи, начинают именоваться «царями» («цесарями»). Прежде царский титул не применялся на Руси к предводителям кочевников, и, судя по всему, такое титулование не было случайным. Тем более, на Руси знали тюрко-монгольское наименование «хан» («каан»), но при этом все-таки предпочитали именовать ханов «царями». Как предположил А.А. Горский, перенос царского титула на хана был

---

³⁹ Только в одном из ранних памятников, описывающих события первых десятилетий после нашествия, – в южнорусской Ипатьевской летописи – содержится указание на то, что честь татарская «злее зла» («О злее зла честь Татарская!», – восклицает составитель летописного рассказа о поездке Даниила Романовича Галицкого в Орду). И все потому, что платой за эту «честь» является беспрекословное подчинение. Князь Даниил Романович, поясняет свою мысль летописец, раньше «бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си иными странами, ныне седить на колену и холопомъ называется, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять» (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908 (репринт – М., 1998). Стб. 807–808). Впрочем, судя по всему, данная оценка отражала позицию исключительно южнорусских книжников, ориентировавшихся в данном случае на позицию того же Даниила Галицкого, который в 40-е гг. XIII в. пытался освободиться от ордынской зависимости при помощи католического Рима (*Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго. С. 20). Книжники же Северо-Восточной Руси, князья которой больше других контактировали с татарами, но при этом (по крайней мере, до конца XIV в.) не пытались бороться с ними, по поводу «честьи татарской» попросту не рефлексировали. По крайней мере, критических размышлений летописцев этого региона Руси о сущности «честьи татарской» до нас не дошло.

связан с феноменом «отсутствия царства», наблюдавшимся как раз в годы нашествия и установления зависимости от Орды: в 1204 г. столица Византии – Царьград был захвачен крестоносцами, и это было воспринято на Руси как «погибель царства». «Перенос царского титула на правителя Орды, – отмечает А.А. Горский, – по-видимому, свидетельствует о том, что Орда определенным образом заполнила лакуну в мировосприятии, заняла в общественном сознании место “царства”, на момент завоевания пустующее»⁴⁰. При этом восстановление Византийской империи в 1261 г. «не только не изменило положения, но скорее закрепило сложившуюся ситуацию»: русские князья полагали себя стоящими на более низкой ступени иерархической лестницы, нежели ордынские ханы.

С одной стороны, подчиненное положение по отношению к «царям» долгое время воспринималось князьями как вполне легитимное, а, значит, не требующее пересмотра («всякая власть – от Бога»). С другой стороны, важно и то, что в рамках картины мира того времени русские князья и монголо-татарские «цари» оказывались разными субъектами *одной* властной вертикали. И в этом смысле ханы становились «своими» – не врагами, а просто более статусными фигурами, «сюзеренами», если воспользоваться западноевропейской средневековой терминологией.

Это «свойство» проявлялось и в том, что русские князья уже в первые десятилетия после нашествия стали заключать браки с представительницами ордынской аристократии. «Матримониальная тема» в отношениях русских и татар возникает в тот момент, когда, казалось бы, покорители и побежденные должны были бы думать о чем угодно, но только не об установлении взаимных родственных связей. Однако весьма показательно, что одним из первых в Орде – в 1257 г. – «оженится» белозерский князь Глеб Василькович, сын замученного татарами ростовского князя Василька Константиновича и внук убитого в Орде Михаила Всеволодови-

---

⁴⁰ См. подробнее: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 87.

ча Черниговского⁴¹, позже канонизированных Церковью в качестве святых великомучеников.

То, что на Руси могли считать свою землю частью Орды, косвенно находит подтверждение в памятнике, возникшем в качестве отклика на победу на Куликовом поле в 1380 г. – знаменитой «Задонщине», в которой синонимом «Русской земли» служит словосочетание «Орда залесская»: «Чему (т.е. – «зачем». – *В.Р.*) ты, Мамай, посягаешь на Русскую землю? То ты била орда Залеская...»⁴². Как отмечает обративший внимание на это чтение И.Н. Данилевский, «нужны ли лучшие доказательства того, что Русь рассматривала себя как часть Орды?»⁴³

Кстати, вплоть до второй половины XIV в. в произведениях русской письменности почти не встречаются уничижительные или просто негативные эпитеты по отношению к ордынским ханам⁴⁴. Даже принятие Ордой ислама (1314), произошедшее при хане Узбеке (он, по выражению составителя Симеоновской летописи, «сел на царстве и обесерменился»⁴⁵, или, как выразился автор «Повести о Михаиле Тверском», принял «мерскую веру срацинскую»⁴⁶), не стало основанием для мгновенного пересмотра устоявшихся представлений о самих ханах и легитимности их власти на Руси.

В итоге, вплоть до второй половины XIV в. «сюзеренитет Орды над Северо-Восточной Русью не оспаривался ни политическими деятелями, ни деятелями общественной мысли», а акты сопротивления татарам были связаны лишь с межкняжескими конфликтами, в которых ордынцы выступа-

---

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.

⁴² Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 118, 131.

⁴³ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 282.

⁴⁴ Горский А.А. Москва и Орда. С. 89; Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 117–119.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 88

⁴⁶ Охотникова В. И. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 19.

ли на той или иной стороне. При этом речь вообще не шла об осознанной борьбе за полное освобождение от зависимости⁴⁷.

Так продолжалось до начала ордынской «замятни», когда ханы стали ставленниками более влиятельных в Орде временщиков, таких как темник Мамай. Их власть, в отличие от ханской власти, была абсолютно нелегитимной в глазах русских князей. Последовавшее за этим изменение отношения к подчинению князей *такой* власти стало одним из главных импульсов для перемен на «ордынском» направлении внешней политики Московского княжества. Это, в свою очередь, повлекло за собой ряд военно-политических шагов, предпринятых Москвой в отношении Орды, результатом чего и стало свержение «ига» монголо-татарских ханов.

Именно со времени «замятни» (причем, далеко не сразу) начинает формироваться «идеология борьбы» с татарской властью. Этот процесс занял целое столетие, и, насколько можно судить, был весьма непростым. Так, если в 1380 г. Дмитрий Донской на Куликовом поле мужественно сражался с «возмнившим себя царем» Мамаем, то в 1382 г. он же решил уклониться от борьбы с легитимным правителем Тохтамышем (тот, в отличие от Мамаея, был прямым потомком Чингисхана) и оставил Москву, «слышавъ, что самъ царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, не подня руки противу царя»⁴⁸.

Даже спустя годы лет – в 1480 г. – в окружении Ивана III разгорелась нешуточная борьба между теми, кто полагал, что великий князь имеет право встать на борьбу с «безбожным царем», и теми, кто в таком праве Ивану Васильевичу отказывал. Да и сам великий князь долго колебался. Однако в итоге (в том числе, под влиянием своего духовника – ро-

---

⁴⁷ Горский А.А. Москва и Орда. С. 88–89.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144. См.: Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории –1996. М., 1996. С. 207–208; Рудаков В.Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 17–27.

стовского архиепископа Вассиана Рыло, отправившего Ивану III знаменитое «Послание на Угру») великий князь все-таки принял трудное решение выступить против «самого царя»⁴⁹.

* * *

Какие же аргументы нашел великокняжеский духовник? Объясняя Ивану III причины возникновения зависимости от Орды, Вассиан указывал на то, что нашествие Батые явилось «попущением Божьем». «Попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батые, иже пришед разбойнически и *поплени* всю землю нашу, и *поработи*, и *воцарися* над нами», – писал Вассиан. Ссылаясь на библейскую историю, он давал понять великому князю, что порабощение подобное тому, которое произошло с «нами, с новым Израилем, христианскими людьми», уже случалось в мировой истории: «Егда согрешаху сынове Израилеви Господу Богу, тогда предааше их в руке врагом ихъ и *работаша* имъ»⁵⁰. При этом, отмечал ростовский архиепископ, «аще убо сице покаемся, и тако же помилует ны милосердый Господь, и не токмо свободит и избавит, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но нам и их *поработит*»⁵¹.

Почему же Вассиан в конце XV в. пишет о «порабощении» и «пленении», тогда как никакого «пленения» (например, в виде завоевания или даже захвата той или иной территории) история русско-ордынских контактов не знала? Да и «порабощения», как было показано выше, как такового не было⁵².

---

⁴⁹ Рудаков В.Н. Монголо-татары. С. 164–173.

⁵⁰ ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 534.

⁵¹ Там же. С. 532.

⁵² Следует учитывать, что помимо привычного для нас ‘сделать рабом, поработить кого-либо’, это слово в древнерусском языке имело и более ‘мягкое’ значение: ‘подчинить, заставить служить

Судя по всему, говоря о зависимости как о «пленении», Вассиан Рыло (так же, как и другие древнерусские авторы) опирался не столько на реалии окружавшего его мира, сколько на литературную традицию, сложившуюся к тому времени в древнерусской книжности.

Представления книжников о том, что Русская земля оказалась «пленена» татарами, стали формироваться сразу после нашествия Батыея. Само нашествие потрясло современников своей разрушительностью, масштабом и многочисленными бедствиями, выпавшими на долю тех, кто пережил «батыевщину». Как это часто бывает, жестокая действительность дала мощный импульс для рефлексии по поводу причин и смысла произошедших несчастий. Однако особенность средневекового сознания заключалась в том, что ему было свойственно искать аналогии между реальными событиями земной жизни и событиями библейской истории, которые выступали в качестве ключа к пониманию окружающего мира. Так что решающую роль в формировании представлений о «пленении» Русской земли, судя по всему, сыграли не столько реалии середины XIII в., сколько книжные прообразы, при помощи которых авторы пытались эти реалии осмыслить и описать. Надо отметить, что нашествие монголо-татар, а также необходимость (по крайней мере, в течение последовавших за этим десятилетий) выплаты им дани давали современникам вполне очевидные поводы для обнаружения параллелей между историей Руси, с одной стороны, и пребыванием «избранного народа» в плену у фараона, а также с событиями «вавилонского пленения», с другой⁵³.

В законченном виде такую интерпретацию можно обнаружить в «Поучениях» Серапиона Владимирского (70-е гг. XIII в.), который осмысливал постигшие Русь несчастья, используя библейские сюжеты и образы пророческих книг. Причем у Серапиона формула «рабства» оказалась даже текстуально близка формулировкам пророчества Мефодия Па-

---

кого-либо' (см.: СлРЯз XI–XVII вв. М., 1991. Вып. 17 (Помаранець – Поттишати). С. 107).

⁵³ *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 5–6.

тарского, согласно которому согрешившие народы накануне Страшного Суда будут наказаны, в том числе, оказавшись по воле Божией, «подъ ярмомъ работы», т.е. под ярмом рабства⁵⁴. По справедливому замечанию А.В. Лаушкина, в основе таких представлений лежала «вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранничества наказанного народа, заботы Бога о его спасении». В рамках этой идеологии подчинение и даже служба «царю неправедну, лукавнейшу же паче въся земля» (в данном случае – хану) выглядела как один из способов доказать свое смирение перед лицом карающего Бога⁵⁵.

И хотя в реальности, начиная с XIV в., как было показано выше, система зависимости Руси от Орды претерпевала серьезные трансформации, тем не менее, сложившиеся в древнерусской книжности представления о «рабстве» продолжали оставаться весьма популярными. Причина весьма проста: само нашествие воспринималось как кара Господня, и поэтому самые разные действия татар (не только нашествия и набеги, но и, например, подчинение русских земель ордынскому «царю») рассматривались как продолжающееся «наказание Божие». По логике книжников, конец такому наказанию могло положить лишь искреннее покаяние и «исправление от грехов», морально-нравственное очищение, а вовсе не военно-политические усилия русских князей.

Впрочем, уже ко второй половине XV в. на смену «идеологии смирения и покаяния» приходит «идеология борьбы» с татарами, в соответствии с которой упор делался уже не только и не столько на «исправление от грехов», сколько на необходимость свержения «рабства».

---

⁵⁴ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследования и тексты. М., 1897. С. 94, 98 (номера страниц второй пагинации).

⁵⁵ *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 23–25.

Таким образом, можно предположить, что тема «ярма»/«ига» как синонимов «рабства» возникла, в первую очередь, в результате осмысления книжных (в первую очередь, библейских) представлений о нашествии иноплеменников и последующем порабощении народа как каре Господней за грехи. Аналогия между «вавилонским пленением» иудеев и «ордынским пленением» Руси позволяла не только отыскать необходимый в таких случаях, согласно законам средневековой историографии, прообраз происходящего в Священной истории человечества, но и актуализировать «идеологию выживания» в условиях иноземного владычества.

Однако помимо книжного восприятия действительности в тогдашнем обществе существовали представления о русско-ордынских контактах, основанные на «непосредственных», а не почерпнутых из книг, наблюдениях⁵⁶. И чаще всего обыденность не подпадала под столь драматичные определения как «ярмо», «иго» или «рабство». Так, семейные отношения с представителями ордынской знати (поработителями!) считались более чем почетными даже для святых благоверных князей⁵⁷, поездки в Орду – и вовсе «честью», а сами ордынцы часто воспринимались как «свои», переходили на службу к московским князьям и т.д. Получается, что «книжная» линия восприятия татар и ордынской власти мирно сосуществовала с «обыденной» и была лишь частью более общей картины. И чем больше проходило времени, тем существеннее эти две линии восприятия татар расходились друг с другом.

---

⁵⁶ Судя по всему, двояким было и восприятие половцев: наряду с «книжным» – резко негативным – существовало и «обыденное» – вполне нейтральное – восприятие. См. подробнее: *Чекин Л.С.* Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 691–711.

⁵⁷ См., например, «Житие Федора Ярославского» и «Повесть о Петре – царевиче ордынском»: ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. СПб., 1908. С. 308–310; ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 20–37.

Впрочем, как раз в конце XV в. концепция «порабощения» переживала своеобразный ренессанс: тема антиордынского противостояния активно облекалась в форму борьбы с «рабством». Скорее всего, будучи современником этого «ренессанса», польский хронист Ян Длугош и применил к описанию русско-ордынских отношений слово «иго» – точную кальку с русских слов «ярмо» и «рабство». Со временем понятие «иго», которое вовсе не отражало всей гаммы русско-ордынских отношений середины XIII – XV вв., прочно вошло в отечественный исторический лексикон.

Почему это произошло? Причин, как представляется, может быть несколько.

Прежде всего, начиная уже с Карамзина, формирующееся русское национальное самосознание требовало объяснений, почему Россия – не Европа? Что стало причиной ее отставания в развитии? Концепция «ига» – столетнего рабства, навязанного извне, – позволяла с наименьшими «кимиджевыми» издержками для формирующегося национального самосознания отвечать на эти неудобные вопросы. Тем более что эта концепция давала возможность не только объяснять отставание Руси, но и черпать в такой трактовке событий дополнительные мотивы для национальной гордости. Лучше всех это сформулировал А.С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией»⁵⁸. Получалось,

---

⁵⁸ *Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1949. С. 268, 497. См. также письмо к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.: «У нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставили нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианство было спасено» (Там же. Т. 16. М., 1949. С. 171–173, 392–393). Кстати, легко заметить, что «необъятные просторы» России Пушкина никак не отвечали реалиям

что именно Руси Запад обязан своим передовым ем⁵⁹.

Советская историография XX в. унаследовала концепцию «ига» практически в неизменном виде, опираясь при этом не только на русскую дореволюционную историографическую традицию⁶⁰, но и на положения работы К.Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века»⁶¹. Маркс же прямо писал: «Татарское иго... не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали неперенной его принадлежностью»⁶². Приведенный пассаж пользовался большой популярностью у советских исследователей: А.Н. Насонов – автор одной из первых обобщающих работ по истории ордынской политики на Руси – даже избрал его (наряду с цитатой из И.В. Сталина) в качестве

XIII в.: русские земли того времени были лишь малой частью огромных территорий, покоренных Великой Монгольской империей.

⁵⁹ Как писал С.Л. Франк, Пушкин «считает главной причиной отсталости русской культуры татарское иго, которое отделило Россию от судеб Европы». «Татарское нашествие и вызванное им обособление России от Запада он рассматривает в перспективе всемирной истории и с этой точки зрения видит в них особое служение России задачам европейско-христианской культуры»: Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 279, 286 (разрядка автора – В.Р.).

⁶⁰ Впрочем, говорить о наличии какой-то целостной традиции в данном случае все-таки не приходится: такие крупные представители русской дореволюционной историографии, как, например, С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров, понятие «иго» вообще не использовали.

⁶¹ Работа была написана в 1856–1857 гг., однако впервые полностью ее опубликовала дочь Маркса – Элеонора Маркс–Эвелинг в Лондоне в 1899 г. под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century». Первое издание на русском языке см.: Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1–4.

⁶² Там же. № 4. С. 5.

эпиграфа к своей книге⁶³. И это несмотря на то, что Маркс смело использовал для анализа русской истории сведения, не имевшие отношения к истории русско-ордынских контактов. Чего, например, стоит его заявление о том, что «оставляя после себя пустыню, они (татары. – *В.Р.*) руководствовались тем же экономическим принципом, в силу которого обезлюдили горные области Шотландии и римская Кампанья, – принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища»⁶⁴!

И хотя большинству сегодняшних исследователей очевидно, что «иго» (так же, как и «рабство» в чистом виде) – не вполне удачное определение для русско-ордынских отношений второй половины XIII–XV вв., тем не менее, термин продолжает использоваться. В том числе, в силу сложившейся традиции, сформировавшейся под влиянием древнерусского книжного восприятия, риторической экспрессии Карамзина, патриотического пафоса Пушкина и исторософского преувеличения Маркса.

---

⁶³ О том, что идеи Маркса стали отправной точки исследования, А.Н. Насонов сообщал во введении. См.: *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 215.

⁶⁴ *Маркс К.* Указ. соч. // ВИ. 1989. № 4. С. 5. Как разъяснили публикаторы Маркса, в этом месте он «проводит параллель между действиями монгольских завоевателей XIII–XIV вв. и политикой правящих классов Англии и Италии». По их мнению, описывая историю России, Маркс опирался, прежде всего, на уже устаревшую в его время работу Ф. Сегюра «История России и Петра Великого». Подробнее см.: Там же. № 1. С. 7–9.